

УДК 82.091

*К.И. Морозова***ВЕСЁЛЫЕ РЕБЯТА: А.К. ГОЛЬДЕБАЕВ И А.С. НЕВЕРОВ¹**

В статье исследуется поэтика рассказа А.С. Неверова «Весёлые ребята» (1922), который показывает жизнь самого Неверова (Бегунка), друга писателя – А.К. Гольдебаева (настоящая фамилия Семёнов) и его дочери Алёнушки в голодные годы начала XX в. Выбор именно этого произведения объясняется несколькими причинами. Во-первых, центральным персонажем выступает Гольдебаев, о котором практически ничего неизвестно в истории отечественной литературы, а рассказ посвящен одному из последних годов его жизни. Во-вторых, это произведение неоднократно упоминается в переписке писателей. В-третьих, в современном литературоведении не встречается научных работ об этом рассказе. Всё это свидетельствует о новизне и актуальности настоящей статьи. Основными методами исследования в ней являются сравнительно-сопоставительный, структурный и биографический. Фундаментальность исследования обеспечивается опорой на изучение уникального архивного материала – мемуаров и писем.

Ключевые слова: А.К. Гольдебаев (Семёнов), А.С. Неверов, «Весёлые ребята», провинциальная литература, забытый писатель.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-594-600

Александр Кондратьевич Гольдебаев (Семёнов) – писатель и журналист, редактор «Газеты для всех» («Самарской газеты для всех»), издававшейся в Самаре в 1910–1912 гг.

Гольдебаев оставил после себя довольно внушительное творческое наследие: газетные публикации, рассказы, повести, романы, три тома собрания сочинений и несколько десятков произведений, которые не были изданы. Он публиковался в крупнейших журналах рубежа веков, среди которых «Русская мысль», «Образование», «Знание». В числе учителей и наставников Гольдебаева значились А.П. Чехов, А.Р. Крандиевская. Кроме этого, писатель был очно или заочно знаком с З. Гиппиус, М.А. Кузминым, Вяч. Ивановым и многими другими.

Несмотря на масштаб личности, сегодня о Гольдебаеве едва ли кто вспомнит. Его имя практически полностью стёрто из истории отечественной литературы. Пожалуй, единственные опубликованные источники, содержащие хоть какую-то информацию о писателе, – «Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей» И.Ф. Масанова, мемуары правнучки литератора Н.Л. Вешневой-Белл, первый том биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917», примечания А.П. Чудакова в 18-м томе собрания сочинений А.П. Чехова.

К сожалению, сегодня неизвестен даже год рождения Гольдебаева, так как не знал его и он сам. «До меня родились у матери все умершие в детстве: Сашенька, девочка, Мишенька, Верочка; я был четвёртым. Дед Григорий говаривал, что мать моя рожала через три года; если держаться этого наблюдения, то я должен был родиться в 1865 году, а не в 1863-м, как утверждал отец, всегда упоминавший года событий личной жизни, что очень редкая черта у людей его уровня» [4], – пишет Гольдебаев в мемуарах, которые сегодня хранятся в Самарском литературно-мемориальном музее им. М. Горького.

Семья Гольдебаева была далека от литературы: дед – «губной» судья, отец – чаоторговец, про мать неизвестно. Да и сам будущий писатель начинал на Самаро-Златоустовской железной дороге, где проработал с 1893 по 1905 гг., отвечая за разного рода бюрократические дела. Его стремление к наукам и искусствам было настолько сильно, что провинциальный железнодорожник поступил учиться в одно из крупнейших европейских учебных заведений – Коллеж де Франс (Париж). С тех пор началась его насыщенная литературная жизнь. Любимому делу Гольдебаев был предан до конца своих дней. Он даже умер, выполняя служебное задание, находясь в командировке в Курской губернии.

Последние годы жизни Гольдебаева были особенно тяжёлыми. Так, в 1921 г. он похоронил жену, повзрослевшие сыновья покинули отчий дом, сёстры пытались завладеть домом в Зубчаниновке в то время, как сам Гольдебаев на старости лет ютился в жалкой комнатухе с младшей дочерью

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект 20-312-90040 «Творчество А. К. Гольдебаева (Семёнова). Феномен “провинциального писателя” в русской литературе конца XIX – начала XX вв.».

Алёнкой. Из-за страшного голода, охватившего Поволжье, жили они впроголодь, еле сводя концы с концами. Единственной надеждой на спасение был близкий друг – писатель А.С. Неверов, который всеми силами старался им помочь. Этому непростому периоду жизни Гольдебаева он посвятил рассказ «Весёлые ребята», в эпиграфе к которому значилось «Литератору, деду ГОЛЬДЕБАЕВУ с любовью» [2, с. 158]. Впервые рассказ был опубликован в новогоднем номере газеты «Коммуна» в 1922 г.

Его фабула такова. Старик Гольдебаев вместе с дочкой Алёнушкой мёрзнет в комнате номер четыре на улице Соловьёвой, пока Бегунок (псевдоним Неверова) хлопочет о том, как бы заработать лишнюю копейку. По вечерам они мечтают о том, как будут жить на Чёрном море, напишут каждый по серьёзной повести, а в мире не будет «ни жадности, ни корысти, ни тяжёлых забот, омрачающих душу» [2, с. 161]. Пережив суровую зиму, друзья надеялись, что вот-вот их жизнь наладится. В один апрельский день, когда они, по обыкновению, мечтали и радовали друг друга «хорошими разговорами», в комнате у порога возник неожиданно новый хозяин квартиры. В итоге старик с дочкой был вынужден оставить свою комнатку и переселиться на время к Бегунку.

Небольшой по объёму рассказ о жизни писателей состоит из четырёх частей, всё его действие длится несколько месяцев (предположительно с декабря по апрель). В первой части Неверов изображает типичный распорядок дня героев. Старик Гольдебаев читает и рассказывает Алёнке сказки в ледяной квартире. Бегунок же «с утра собирает репортёрские строчки по профсоюзам, изучает психологию большевиков для начатой повести, а после четырёх скачет <...> к деду» [2, с. 159].

Содержательно вторая часть напоминает первую, отличие лишь в том, что на этот раз Бегунок проводит время не на литературно-журналистском поприще, а на базаре в надежде найти покупателя книжек со своими рассказами и «писательской шляпы с дедовой головы». Гольдебаев не рассказывал сказок Алёнке, а играл в больницу. Он – пациент, она – «молодая докторица».

Время действия третьей части рассказа – весна – несколько меняет тон повествования, он становится более тёплым: «Весна. Не верится деду. Сидит на крыльчке под солнышком, греется. Жарко. Распахнул полы у великолепного тулупа на волчьем меху, воротник отогнул. Давит тулуп, словно жернов висит на плечах. Так и хочется сбросить тяжёлый зимний мешок» [2, с. 165]. Дед продал свой тулуп первому встречному татарину-старьевщику, а Бегунок «построчник получил». Героям кажется, что жизнь начала налаживаться: «Льётся радость – не удержишь. Ударить в колокола – настоящая пасха. Шутка ли, денег-то сколько!.. А впереди – ещё больше. Богачи!» [2, с. 166]. Но благополучие их продлилось буквально несколько часов. На пороге неожиданно появился «товарищ с широким мандатом», утверждающий, что отныне комната номер четыре на улице Соловьёвой принадлежит ему.

Наконец, четвёртая часть посвящена описанию сборов Семёновых «в землю Ханаанскую», в комнату Бегунка. Гора багажа, дед с Шекспиром под мышкой и в рваных калошах, перевязанных нитками, «Бегунок у дверей держит Алёнкин сундучок с куклами, мешочек с посудой, рваный чемоданчик с дедовыми рукописями» [2, с. 169]. «Смеются ребяташки над дедовым ремеслом, смеётся солнышко с высокого неба, смеются Бегунок с Алёнкой, но веселее всех самому деду. Топает перевязанной калошей по мокрому тротуару, лукаво подмигивает:

– Вы, ребята, не смейтесь! Мы еще поживём. А уж рассказ напишем так напишем. Прелесть!» [2, с. 170].

И снова эмоциональная тональность рассказа меняется, приобретая некую торжественность, – в героев вселяется надежда на светлое будущее. В этом небольшом фрагменте ключевым словом выступает глагол «смеяться», усиливающий эмоциональную окрашенность слов с положительной коннотацией («солнышко», «веселее», «лукаво», «прелесть»). В этой части Неверов обращается к тексту Священного Писания, сравнивая комнату Бегунка с землёй Ханаанской. В Библии Ханаан – земля, обетованная Богом народу Израиля: «И сказал Господь Моисею, говоря: дай повеление сынам Израилевым и скажи им: когда войдёте в землю Ханаанскую, то вот земля, которая достанется вам в удел, земля Ханаанская с её границами <...>» (Чис. 34: 1–2).

Итак, Неверов косвенно сравнивает Гольдебаева и Алёнку с евреями, страдающими на чужой египетской земле, а Бегунка – с выдающимся пророком Моисеем, спасшим израильтян и вернувшим их навсегда в родной Ханаан. Правда, надо оговориться, что Бегунок не возвращал друга и его дочь домой, а дал им новый и, вероятно, временный приют.

Важно отметить, что в рассказе представлено сразу три формы организации речевого взаимодействия: монолог, диалог и трилог. Так, рассказ начинается с монолога, точнее говоря, с отдельных реплик Гольдебаева, чередующихся с авторской речью:

«У деда болят ноги. Лежит под великолепным тулупом на волчьем меху, легонько вздыхает. В комнате полутемно. Дует ветер. Мороз стучает лбом в деревянные стены. Дрова на исходе. Рядом – Шекспир в роскошном переплете. Крепко держится за любимого из любимых.

– С голоду буду сдыхать, а его не продам.

Очень уж брюхо мучает. Бросит дед ему корочку за день, закроет глаза и лежит с мягкими посе-ребрёнными волосами. Из рта плывет теплый дымок. Дед оттопыривает губы, фукает, как маленький:

– Ф-ф!<...>

Дед отворачивается.

– Голод...

Аленка, дочь, с чёрными смородинками глаз, укачивает куклу на коленях.

– Спи, кума, спи. Волк придёт...» [2, с. 158–159].

Такая организация речи персонажа больше напоминает внутренний монолог, потому что мысль, в отличие от речи, «ни к кому не обращена и не рассчитывает ни на чье понимание; она не претендует на безукоризненную последовательность <...> она более эмоциональна, нежели логична» [5, с. 41]. Так и реплики Гольдебаева хаотичны, не несут особой смысловой нагрузки, но зато очень эмоциональны. Неверов использует этот художественный приём в самом начале рассказа, чтобы, во-первых, выделить главного персонажа. А во-вторых, обозначить центральную тему произведения – голод.

В большой мере текст построен на диалогах в сцене игры Гольдебаева с дочкой.

Например:

– Что у вас болит?

– Дед закрывает глаза.

– Папа, да ты говори.

– Сердце болит, товарищ доктор.

– А ещё?

– Палец болит.

– Я вам хины дам.

– Пожалуйста, товарищ доктор.

– А ещё я вам капель дам. Они очень помогают от разных болезней.

Лицо у Аленки серьёзное, чёрные глаза опечалены. Наливает воды из чайника.

– Выпейте натошак.

Дед смеётся <...> [2, с. 163].

Обилие диалогов объясняется авторской установкой на объективное изображение действительности. Субъективность рассказчика заглушается голосом персонажей, доминирует по большому счёту их точка зрения и слово. Как мы видим, авторский текст вводится в виде кратких пояснений, напоминающих ремарки драматических произведений. Построенное таким образом произведение во многом напоминает пьесу. Главное отличие в том, что диалоги в рассказе практически не движут фабулу и сюжет. Так, две первые части просто описывают традиционный быт семьи Семёновых. Значительный импульс развитию действия даёт ситуация с мандатом.

– Остановись, паренек, очень уж хорошо выходит у тебя.

– Ещё лучше выйдет, дед.

– Да что ты?

– Я теперь ничего не боюсь. Ботинки изорвутся – босиком похожу.

Мечтают. Радуют друг друга хорошими разговорами, а в комнате у порога – товарищ с широким мандатом.

– Это комната номер четыре?

– Да.

Очень приятно. С нынешнего дня она принадлежит ему. Бегают дед по мандату непонимающими глазами, дружески говорит:

– Недоразумение, товарищ: я живу в этой комнате полтора года. Жену из неё схоронил...

И товарищ дружески говорит:

– Но у меня же мандат. Вы видите, у меня – мандат.

Дед на дыбы.

– Помилуйте, я – писатель! Я не могу оставаться без комнаты.

Товарищ улыбается.

– Что значит – писатель, когда я сам лицо уполномоченное? Идите в жилищный отдел [2, с. 167–168].

В отличие от предыдущей речевой ситуации в этой взаимодействуют не два, а три персонажа, причём третий включается в разговор неожиданно и тем самым «принципиально меняет форму коммуникации» [1, с. 13]. Так, вопрос внезапно появившегося на пороге «товарища с широким мандатом» резко меняет тему разговора двух писателей, а сам незваный гость вытесняет из него Бегунка, перехватывая его коммуникативную роль. Речевая форма, в которую вмешивается третьего лицо (один человек или группа людей) с целью «изменить текущую форму речевого взаимодействия (стать полноправным участником полилога, сохранить диалог, заменив одного из участников коммуникации, прекратить коммуникацию)» [1, с. 13], называется трилогом. Н.Н. Зильберман относит его к диалогическому типу речи. Она также отмечает, что в трилоге «сильнее, чем в диалоге, прослеживаются такие черты разговорной речи, как спонтанность и нелинейность в связи с наличием трех участников общения, каждый из которых способен неожиданно изменить тему разговора» [1, с. 13]. Включение трилога в сюжетную канву усиливает эффект спонтанности, исключает тем самым субъективность автора: Неверов будто бы и сам не знает, как будут развиваться дальнейшие события в его произведении.

Вообще, активное использование прямой речи в рассказе мотивировано стремлением Неверова к максимальной объективизации повествования. Именно поэтому он передаёт право голоса персонажам. Через речевую манеру писатель обращает внимание на психологическое состояние литературных героев, которое поддерживает общий жизнеутверждающий пафос произведения. Несмотря на то, что в рассказе описываются тяжёлые голодные 1920-е гг. и показан суровый быт голодающих провинциальных писателей, сами герои не предаются унынию, им удалось сохранить взгляд на жизнь, полный надежд, любви и мечтаний. Одним словом, весёлые ребята. Жизнелюбие Бегунка и Гольдебаева отразилось и в названии рассказа – «Весёлые ребята».

В том, какими были в жизни Гольдебаев и Неверов, поможет нам разобраться переписка, часть которой (письма Неверова), сегодня хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства. Прочитируем фрагменты, представляющие наибольший исследовательский интерес в рамках настоящей статьи.

Первое письмо датировано 19 ноября 1920 г. и отправлено в Пугачёвск.

«Дорогой Александр Кондратьевич!

Узнал, наконец, о вашем тяжёлом положении. Всевышний создатель положительно хочет замучить вас. Сердечно жалею и печалюсь, но что можно сделать теперь? Что могу сделать здесь, в смысле толкания, конечно, – сделаю. Но ведь вам-то от этого будет не легче, если я буду толкать. В это время жизнь вас может так толкнуть, что вы и не встанете. Крепитесь, дорогой! Много было толчков, стояли ноги, пусть стоят и теперь. <...>

Ну, как живёт, хорошая славная сестрица Алёнушка? Здравствуй, Алёнушка, ау! Далеко, не слышно. Развела ли ты кур с гусями? Помнишь? <...>

Здравствуйте, Маруся, Женя, Юра! Вы, молодые, сильные, не падайте духом, поддерживайте папу. Не унывайте! Это мой дружеский совет вам. Больше по своей глупости ничего не могу придумать.

Всеми признаками выражаю любовь к вам, дорогой и милый Александр Кондратьевич: и поцелую и рукопожатием, а внутреннего не передашь. Привет от моей семьи и от товарищей.

Ну, заканчиваю. Бывайте здоровы. <...>

Жду вашей весточки.

Ваш А. Неверов» [3. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 31].

Переписка продлится до весны 1922 г. Письма приходили Гольдебаеву как в Пугачёвск, где он занимал должность заведующего уездным отделом РОСТА, так и в Москву, где он состоял членом литературно-художественного кружка «Звено». Большая часть писем, как и те, которые будут частично процитированы ниже, относятся к московскому периоду жизни Гольдебаева и были отправлены по адресу: ул. Воскресенская, д. № 90, кв. 4. Там он проживал вместе с Алёнушкой в семье писателя, публициста и литературного критика М. В. Морозова.

24 января 1921 г.

«Дорогой Александр Кондратьевич!

Получил Ваше писулю в “восемь лист”. Эх, и выдумщик вы старый! Посидеть бы около Вас, да послушать да посмотреть на Вашу серебряную голову, в которой роятся такие фантазии, как – затащить Неверова в Пугачёвск, а самому удрать в Москву. <...>

Соскучился об Вам – во как! Бывало, посидишь около Вас, посмотришь на Вашу ясность душевную – и душе станет так хорошо, хорошо... а теперь и зайти некуда. А я уж очень привязчивый. Полюблю кого, тоскую, как девушка. А вас, грешник, полюбил ещё тогда, когда узнал чуть-чуть. “Борода” ваша увлекла меня. Ну, бывайте здоровы. Бодритесь, храбритесь до весны, весной – в Москву, слушать Московский звон во всех смыслах...

Ваш внучёк А<лександр> Неверов» [З. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 31].

19 ноября 1921 г.

«Милый дед! <...>

Дорогой в Ташкент написал рассказ “Весёлые ребята”. Говорят – не дурен. В этом рассказе фигурируют трое: некий старичишка литератор, дочь его Алёнушка и молодой беллетрист Бегунок. С большой любовью посвящаю его “Литератору, деду Гольдебаеву”. Такова надпись. Вы разрешаете? Если Вы не разрешите мне излить свои чувства на Вас (конечно, не в оправдание своей вины я их изливаю), то я буду просить позволения на это у Алёнушки, про которую я говорю в рассказе: “Всю зиму просидела за партой царевной в разбойничьем терему”. Критик Дорохов сказал, что очень хороший тёплый тон рассказа. В Самарканде я его читал в одном семействе – вызвал чуть ли не слёзы умиления. Рассказ начинается так: “У деда болят ноги. Лежит он на кровати под великолепным тулупом и легонько вздыхает” и т<ак> д<алее>. В конце рассказа тулуп ваш я продал татарину. Видите, как соблазнительно? Можете ли Вы устоять, чтобы не дать мне Вашего согласия на посвящение. А потом <закажем> его в “Красную Новь” или ещё куда. Гонорар проедем с Алёнушкой на мороженом. <...>» [З. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 31].

28 декабря 1921 г.

«Милый дед! <...>

Рассказ “Весёлые ребята”, который я посвятил Вам и который хотел переслать в Москву, идёт в новогоднем номере “Коммуны” Рассказ все хвалят. Думаю, дедок, и вам понравится. Очень, говорят, тон хороший, тёплый, задушевный. Уж так-то я Вас расписываю. Хромым вас сделал немножко. И про Шекспира вашего сказал, и про палец, который у вас болел, и про тулуп, и про худые калоши. И крупная тяжёлая слеза упала из ваших ясных добрых глаз на серебряную бороду. Не узнаете вы самого себя. А уж Алёнушка, как изюминка, катается в рассказе. Глаза её я назвал “чёрные смородинки”. Как только выйдет рассказ, бегу на почту и посылаю вам его заказным письмом. Будет большой радостью для меня, если вы его получите. Об одном буду жалеть, если у вас к тому времени не будет примуса. А то бы разогрели его, сварили чайку и по-семейному прочли рассказ вслух. А потом бы вы, значит, сели за стол, надели бы “оченции” и написали мне носоклейку, чтобы я не выдумывал того, чего не было. <...>

Ваш Неверов» [З. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 31].

30 января 1921 г.

«Милый дедок! <...>

Так я и знал, что Вы захвораете – сердце чуяло. <...> Я Вам послал много писем и в каждом просил убедительно уведомить меня. Что же Маруся? Неужели она не могла уведомить? А Морозовы? <...> Ведь знают же люди, что я спрашиваю о Вашем здоровье не формально, не для приличия.

Я не ожидал, что рассказ мой доставит Вам такую глубокую радость. У меня всегда одна дума, одно желанье хоть чем-нибудь порадовать моего славного деда, но чем могу больше! Сейчас вот у меня на сердце большая печаль: надо бы обязательно бы надо послать Вам денег не менее миллиона... <...>

Ну, потерпите, дедок! Приеду, за все обманы отплачу – вольные и невольные. <...> Дедок, может быть, в это время, когда я пишу эти “радуги”, вам опять хуже; может быть, опять болезнь уложила вас; может быть, сердце Ваше тоскует за судьбу Алёнушки – разрешите мне успокоить Вас: она не

очутится на улице сиротой беспризорной: разрешите мне взять её, и она во мне и моей жене найдет хороших друзей, которые сделают для неё всё от них зависящее. <...>

Ваш А. Неверов» [З. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 31].

19 марта 1922 г.

«Дед! <...>

В губернии на почве голода творятся ужасы. Людоедство – бытовое явление, но страшнее всего то, что общество, буквально, потеряло способности реагировать на эти бедствия. <...> Самаре угрожает чума, холера и другие прелести. <...>

Рассказ “Весёлые ребята” и другой ещё из жизни писателей – “Стишок” – я послал в Московский пролеткульт с предложением напечатать их отдельной книжечкой. Ответа пока ещё не получил. А хорошо бы издать их. Наш тупоголовый Михайлов, заведующий. Госиздатом, отказался напечатать отдельно “Весёлых ребят” – неинтересно, потому что рабочим это не нужно, нужно только для писателей. А этот рассказ я писал с такой любовью, с какой не писал ни одного рассказа. Если не издаст Пролеткульт, я издам сам. Заложу рубашки, а издам. <...>

Ваш А. Неверов» [З. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 31].

Итак, как видно из переписки, тёплые, дружеские отношения связывали писателей не только на страницах рассказа, но и в жизни. Несмотря на то, что в голодающей Самаре у Неверова была семья, он всеми силами старался помочь любимому деду и Алёнушке, с которыми его разделяли тысячи километров. Особое отношение к Алёнке чувствуется как в произведении, так и в письмах. Чем она вызвано? Самый простой ответ – тем, что она была самой младшей в семье Гольдебаевых. Но главный вывод, который можно сделать, исходя из анализа писем, адресованных Неверовым Гольдебаеву, – они, действительно, были весёлыми ребятами. Ведь «много было толчков, стояли ноги» и будут стоять, пока есть друг у друга Неверов, Гольдебаев и Алёнушка.

Неверов умер в декабре 1923 г. Гольдебаев ненадолго пережил друга. Он умер в марте 1934 года. Что стало с Алёнушкой, увы, неизвестно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зильберман Н. Н. Место и статус трилога в системе типов и форм речи // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 12–13.
2. Неверов А. С. Веселые ребята // А. С. Неверов. Собр. соч.: В 4 т. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1958. Т. 2. С. 158–170.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
4. Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького (СЛМ).
5. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. М.: Языки русской культуры, 1998. 446 с.

Поступила в редакцию 30.12.2021

Морозова Ксения Игоревна, аспирант
кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью
ФГАУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34
E-mail: kseniamorozowa@gmail.com

K.I. Morozova

JOLLY FELLOWS: A.K. GOLDEBAEV AND A.S. NEVEROV

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-594-600

The article examines the poetics of A.S. Neverov's “Jolly Fellows” story (1922), which shows the life of Neverov (Begunka) himself, a friend-writer A.K. Goldebaev (real name is Semenov) and his daughter Alenushka in the hungry years of the beginning of the 20th century. The choice of this particular work is due to several reasons. Firstly, the central character is Goldebaev, about whom practically nothing is known in the history of Russian literature, and the story is dedicated to one of the last years of his life. Secondly, this work is repeatedly mentioned in the correspondence of writ-

ers. Thirdly, in modern literary criticism, there are no scientific works on this story. All this testifies to the novelty and relevance of this article. The main research methods are comparative, structural and biographical. The fundamental nature of the research is ensured by the reliance on the study of unique archival material – memoirs and letters.

Keywords: A. K. Goldebaev (Semenov), A. S. Neverov, “Jolly Fellows”, provincial literature, forgotten writer.

REFERENCES

1. Zil'berman N. N. Mesto i status trilogi v sisteme tipov i form rechi [Place and status of the trilogy in the system of types and forms of speech] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin], 2009, № 328. Pp. 12–13 (in Russian).
2. Neverov A. S. Veselye rebyata [Jolly Fellows] // A. S. Neverov. Sobranie sochineniy: v 4 tomakh [Collected works in 4 volumes]. Kujbyshev: Kujbyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo [Kuibyshev book publishing house], 1958, vol. 2. Pp. 158–170 (in Russian).
3. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archives of Literature and Art (RSALI)] (in Russian).
4. Samarskij literaturno-memorial'nyj muzej im. M. Gor'kogo (SLM) [Samara Literary and Memorial Museum M. Gorky (SLM)].
5. Etkind E. G. «Vnutrennij chelovek» i vneshnyaya rech' [“Inner Man” and Outer Speech]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian Culture], 1998. 446 p.

Received 30.12.2021

Morozova K.I., postgraduate student at Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations
Samara National Research University
Moskovskoye shosse st., 34, Samara, Russia, 443086
E-mail: kseniamorozowa@gmail.com